

Архимандрит св. Григорий Перадзе как пример христианского мученичества и святости

В этом году мы отмечаем 110-ю годовщину со дня рождения св. Григория Перадзе. В моих размышлениях я предпочел бы не говорить о Святителе исключительно как о научном сотруднике – профессоре и преподавателе. Очередная годовщина его мученической смерти склоняет скорее к попытке обсуждения свидетельства, данного св. Григорием Перадзе как священником, монахом и мучеником. Его позиция, также – как научного работника, не была только лишь результатом умелого распознавания своих интеллектуальных способностей и их развития. Прежде всего она была, скорее, следствием духовного развития, умением улавливать, где лежит Истина. В проповеди *Кто для нас Шота Руставели*, произнесённой 11 декабря 1937 г., св. Григорий сказал: «Вечно только то, что построено на скалах, на крепком фундаменте, которым являются честность и любовь к истине»¹. Скалой и фундаментом, *путем, истиной и жизнью* (ср. Иоанн 14, 6) был для св. Григория Божественный Логос – Иисус Христос.

Св. Григорий Перадзе сумел в своей жизни осуществить мечту многих ученых – соединить святость жизни с научным трудом. В *Житии* св. Григория мы читаем: «Научный труд направлял его к жизни монашеской», а в одном из своих писем священномученик подчеркивает: «Моей целью всегда было и есть служение нашей науке и нашей Церкви. К этому я и готовился»². Своего рода манифестом на поприще его пастырской и научной деятельности была проповедь, которую он произнёс как первый настоятель грузинского прихода в греческом кафедральном соборе св. Стефана в Париже 31 мая 1931 г. во время первой совершаемой им Божественной Литургии. Как будто предчувствуя свою мученическую смерть, он сказал: «Моим первоочередным долгом есть и будет говорить вам: Православие было и есть самым ценным кладом из тех, которые когда-либо получал наш народ. Ради этого клада жертвовали собой наши деды, переносили презрение язычников и предпочитали смерть наслаждениям и политическому комфорту. Православие – ценность сама по себе. Единственно для него надо жить и умирать в этом мире»³. Свидетельство его мученической смерти – отчётливый пример подвига на пути Истины и Любви, коими является Христос, вплоть до конца своих дней.

С самого начала существования христианства последователи Христа вынуждены были жизнью расплачиваться за свою веру. История Церкви запечатлена кровью мучеников. Однако на протяжении столетий мученичество не означало для верующих ни приговора судьбы, который был неизбежен в определенных исторических условиях, ни принятия никому не нужных, бесцельных страданий. Они понимали это как идеал, как наиболее радикальный способ подражать Христу. Так же это было воспринято и св. Григорием, чье положение и деятельность, как пастырская, так и научная, сродни духовной и интеллектуальной традиции выдающихся богословов и Отцов Церкви.

Стоит заметить, что слово *ὁ μάρτυς*, которое мы переводим как «мученик», в буквальном значении переводится именно как «свидетель» и – в церковном употреблении – относится к человеку, который своими страданиями даёт свидетельство

¹ Św. Grzegorz Peradze, *Kim jest dla nas Szota Rustaweli*, „Pro Georgia”, 2006, nr 13, s. 182.

² *Żywot świętego ojca naszego kapłana-męczennika archimandryty Grzegorza Peradze*, „Pro Georgia”, 2006, nr 14, s. 9.

³ *Там же*, с. 11–12.

об Истине⁴. Св. Теодор Студит писал, что мученики свидетельствовали о том, что „Иисус есть Христос, Сын Божий, и через Его Имя подарена вечная жизнь”⁵. Тот же святой, как и св. Афанасий Великий в *Житии святого Антония*, отлично показал также глубокую связь между мученичеством и монашеской жизнью. В *Наставлениях*, обращенных к монахам, он представлял мученичество и монашеский подвиг как последствие, конкретизирование и свидетельство смерти с Христом и для Христа, которой мистически (как таинству) был подвержен христианин еще при Святом Крещении⁶. Св. Ян Златоуст даже называет мученическую смерть новым и необыкновенным крещением. Сравнивая крещение кровью и водой, он заявляет, что в обоих случаях милость Священного Духа проливается в большом обилии, оставляются грехи, душа же чудодейственно очищается. Мученичество, таким образом, является одновременно жертвой и крещением, без сомнения, – подчеркивает он, – более действенным, нежели обыкновенное крещение⁷. Понятие *η μαρτυρία* – «мученичество» – означает также свидетельство о нетленной ценности жизни во Христе и с Христом, о радости непрерывного пребывания с Ним, о готовности остаться полностью верным Ему до самой смерти, исповедуя Его имя (ср. Матфей 10, 32). Прежде слово «свидетель» понималось в чисто юридическом смысле. Это и теперь человек, который жизнью и смертью подтвердил, что Бог действительно существует, что Христос – «Путь и Истина, и Жизнь» (Иоанн 14, 6). Ибо тот, кто принял Его свидетельство, тот подтвердил – как мы читаем в Евангелии от Иоанна, – что Бог говорит правду (Иоанн 3, 33).

Мученичество, как явление, является одним из главных доказательств справедливости веры Христовой. Многие люди, занимающие различные общественные позиции, различных национальностей, коренным образом отличающиеся друг от друга бытовыми и физическими свойствами, свидетельствуют и доказывают не только, что они видят Свет Истины. Те из них, на которых сошел Дух Истины, свидетельствуя об Отце и Сыне, (ср. Матфей 10, 20; Иоанн 15, 26), ради этой же Истины готовы были пожертвовать всем, что они имели: имуществом, общественной позицией, семьей, и даже жизнью. Такими были первые христиане. Таким был также и св. Григорий Перадзе. Как они, так и патрон нашей конференции вступили в живой и тесный союз с Богом и всенародно о Нем свидетельствовали⁸. Нельзя забывать об этом.

В контексте понятий *ο μαρτύς* и *η μαρτυρία* следует обратить внимание на слова самого св. Григория из его проповеди, произнесенной в праздник Воскресения Христова.

«В эти дни предельной нашей радости, – писал он, – нам надо осознать пример жизни и муки Христа, сделать вывод, что Церковь, призванная к борьбе и победе, может достигнуть своих целей не иначе как через страдание, терновый венец, Голгофу и Крест. Иная дорога – всего лишь прозябание и препятствие для закладывания Христовых основ, которые для этой борьбы требуют участия всего человека (...). Этот день должен стать для нас днем проверки нашей работы, нашей жизни и отношения к важнейшим требованиям нашей веры, проверки перед Богом, совестью и народом»⁹.

⁴ *Канонизация святых в XX веке*. Москва, 1999, с. 96.

⁵ Святой Феодор Студит. *Малое оглашение*. Слова. Москва, 2000, с. 26.

⁶ Преподобный Феодор Студит. *Подвижнические монахам наставления*. В: *Добротолубие*, т. IV. Москва, 2004.

⁷ Св. Иоанн Златоуст. *Похвальная беседа о святых мученицах Веронике и Просдоке девах и о матери их Домнине*. В: http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z02_2/Z02_2_22.htm, 13.02.2006.

⁸ *Жизнеописание Оптинских новомучеников иеромонаха Василия, инока Феропонта, инока Трофима. Благословенно воинство (Мученичество в жизни церкви)*. Свято-Веденская Оптина Пустынь, 2003, с. 180–181.

⁹ Św. Grzegorz Peradze, *Droga do zwycięstwa*, „Pro Georgia”, 2006, nr 13, s. 197.

Несомненно, в словах священномученика звучит не только огромная вера, но также и готовность мужественно давать свидетельство Истине, которая есть Бог. Субъектом мученичества в христианском понимании является личность и подвиг Иисуса Христа, за который мученик добровольно жертвует своей жизнью. Поэтому ключевым и главным свойством мученичества, которое и отличает его от факта обыкновенного убийства, является наличие добровольного согласия жертвы. Христос, Первомученик, добровольно принял смерть, и впоследствии каждый мученик, как «второй Христос», так же призван ее принять. Естественно, что одно только безвинное страдание никоим образом и ни и из кого не делает мученика. Необходимо, чтобы человек, со своей стороны, согласился на это страдание и добровольно его принял. Необходимо именно это добровольное самопожертвование, и именно оно делает человека, принимающего на себя страдания и даже смерть, тем, кто несёт свидетельство. Мучение станет творческим опытом, а смерть – пожертвованием лишь тогда, когда добровольно будут приняты тем, кто страдает или умирает¹⁰. Именно этот вид мученичества прекрасно представлен в подвиге священноархимандрита Григория.

Прислушаемся к словам одного из знаменитых польских религиозных философов 20 в. кс. И. Тишнера, который выразительно характеризует явление мученичества с точки зрения дара, которым оно является – как для того, кто страдает, так и для свидетелей его страданий. «Сосредоточьте внимание на событии дара, или жертвы, – пишет кс. Тишнер. – Как можно испортить картину жертвы, затемнить ей смысл, привести к тому, что она становится непонятной? Мы искажаем картину жертвы, когда сохраняем только картину уничтожения, а устраняем истинный смысл события. Мы видим тогда, что кто-то несёт крест, кто-то другой берёт гвозди и вбивает их в руки, кто-то приближается и прокалывает копием, а потом какие-то люди убирают тело с креста. Всё мы это видим, но ничего не понимаем. Что это, собственно, за история? В лучшем случае мы говорим: да, жестокость». И дальше: «Жертва это что-то больше, чем жестокость. Она сияет дополнительным блеском и проливает свет на самопожертвование, которое стало великой возможностью человека. Жертва это боль и смерть с толком. Благодаря этому «толку», смыслу жертва возвышается над жестокостью. Человек – существо, способное жертвовать собой. Собственно, только лишь он, человек. Кто знает, может быть, именно поэтому Сын Божий стал человеком, что *позавидовал* человеку способности жертвовать собой? Но идея жертвы это ещё не всё. И на нее падает тень Лукавого, который испортил созданное Богом и не позволяет видеть саму суть действительности. Ибо сущность жертвы не в том, что больно, что на кресте, что от неё умираешь. Сущность жертвы – дар. Речь идет о том, чтобы подарить себя и в этом даре получить себя обратно. «*Кто теряет себя, тот спасёт себя*»¹¹.

И действительно – св. Григорий, теряя себя, страдая и отдавая свою жизнь за другого человека, в мрачные времена кошмаров и потери человечности, исполнил завещание, которое, как он сам свидетельствует, услышал во время тяжёлой болезни: «Стань мостом для братии!». Подобное свидетельство мы встречаем у св. Игнатия Антиохийского, епископа и мученика II века н.э., который около 110 года был заключён в тюрьму, перевезен в Рим, где отдал свою жизнь. В послании к римской общине христиан он пишет, что только тогда, когда умрёт с Христом, он может считаться Истинным Его учеником¹². Он ждёт смерти не ради самого только умирания, но от тоски за уподоблением себя Христу, Чей Крест он взял в дорогу по своей жизни.

¹⁰ Bp. Kallistos Ware, *Królestwo wnętrza*, przekł. W. Misijuk, Lublin 2003, s. 162 – 163.

¹¹ Слова кс. Юзефа Тишнера. Цит. по: M. Bielawski, *Zdziwione spojrzenie o męczeństwie w świetle teologii i faktów*, „Znak”, 2000, nr 540.

¹² Cp.: Ignacy Antiocheński, *List do Kościoła w Rzymie* 4, 2; 5, 3. В кн.: *Ojcowie Apostolscy*, PSP 45, przekł. A. Świderkówna, ATK, Warszawa 1990, s. 81 – 82.

Он пишет: «[Быть] рядом с мечом – это быть рядом с Богом, вместе со зверями – значит вместе с Богом – лишь бы только ради Иисуса Христа. Чтобы с Ним вместе страдать, я всё перенесу, ибо урепляет меня Он сам, ставший совершенным человеком»¹³. Чтобы прийти к Богу, св. Игнацы желает стать пищей диких зверей: «Пшеница я Божова, а измолотый зубами животных, я стану еще и чистым хлебом Христа»¹⁴.

Сходство подвигов св. Игнатия Антиохийского и св. Григория Перадзе поразительно. Оба они стали хлебом Христа и мостом для братии, а их кровь стала, по словам Тертулиана, семенем новых христиан. Лично я чувствую это и замечаю каждый раз, когда отправляю Божественную Литургию в малой часовне во имя священномученика архимандрита Григория. «Чем более вы нас истребляете, – писал Тертулиан в своей *Апологии*, – тем мы многочисленнее; ибо кровь христиан является зерном»¹⁵.

То, что бросается в глаза при любой попытке систематического осмысления существенных элементов мученичества (в том числе мученичества св. Григория) – это, как мы видим, его христоцентрический характер. Он говорит об очень точном, глубоком и личном союзе, который заключается между Христом и мучеником. В *Проповеди на праздник Рождества Христова* архимандрит уверяет: «Он приходит в сердце каждого человека и просит дать Ему приют. Иисус Христос, без родины и гонимый, лишённый родины и преследуемый, посылается на муки и предается им также и сегодня, словно в день Голгофы, словно [святые] в Средние века. Это трагедия Божьего Слова, Которое пришло к людям, а с другой стороны – это счастье того человека, который понимает Иисуса и откроет перед Божиим Словом двери своего сердца, делая самого Бога своим другом и товарищем»¹⁶. В ином месте, говоря об истинном благочестии, архимандрит указывает на истинно христоцентрический характер религиозной жизни. По воле Божией он воплотил его совершенным образом – путем добровольного пожертвования жизнью ради любви к Христу и к ближнему. «Религиозные чувства, – пишет он, – не знают трудностей, и религиозный человек даже на дне бездны видит Божие сияние, и даже окруженный мраком, колеблясь, медленно, иногда поворачивая назад и отступаясь на пути, он стремится вперёд и тянется к этому сиянию (...). Религиозные чувства проявляются тогда, когда человек, с одной стороны, переживает страшные минуты одиночества и чувствует, что солнце не светит, погода – не погода, а в то же время из его сердца прорывается гимн, пронизанный страхом Божиим и абсолютным подчинением воле Провидения. (...) Религиозные чувства это заглядывание в собственную душу, чувство собственной ничтожности, невозможности сделать что-либо одному, и осознание Божией милости, которая наполняет нашу пустоту, устраняет поселившуюся в нас пустыню, уничтожает врага или его мощь, когда враг хочет в нас вселиться, и даёт человеку силу действия, мудрость и разум, смирение и постоянство, любовь к врагам, понимание и признание своего ближнего, возвышает нас надо всем привременным и земным, позволяет отличить бессмертное от подверженного смерти, преходящее от нетленного, дела достойные борьбы и жертвы от дел, за которые не стоит бороться и жертвовать»¹⁷.

Эти слова, касающиеся истинных отношений между Христом и верующими христианами, приобретают особенно важное значение в контексте свидетельства, данного самим архимандритом. Подчеркиваются в них также два основных элемента союза между Христом а христианином, в частности, между Христом и мучеником. Это

¹³ Ignacy Antiocheński, *List do Kościoła w Smyrnie* 4, 2. В кн.: *Ojcowie Apostolscy*, op. cit., с. 89.

¹⁴ Ignacy Antiocheński, *List do Kościoła w Rzymie* 4, 1. В кн.: *Ojcowie Apostolscy*, op. cit., с. 81.

¹⁵ Тертулиан, *Апология*, [гл.] 50. В: http://www.biblestudy.ru/pub/apologia_tertullian.shtml

¹⁶ Św. Grzegorz Peradze, *Kazanie na święto Bożego Narodzenia*, „Pro Georgia”, 2006, nr 13, s. 190 – 191.

¹⁷ *Żywot...*, „Pro Georgia”, 2006, nr 14, s. 10 – 11.

подражание Христу и единение с Ним¹⁸.

Всё христианство изначально исполнено глубокого убеждения, что мученичество – самый совершенный способ подражания Христу. Это подражание должно охватывать всего человека, в любом месте и в любое время. Можно сказать, что мученик, благодаря перенесенным им терзаниям и страданиям, подражает своему Мастеру, приобщаясь Его страданиям. Повторяет, в некоторой степени, в себе самом, Его муку и Его смерть. Такое отождествление с Ним является самым совершенным приобщением. В нём наиболее полно выражена сила любви, делающая способным добровольно пожертвовать тем, что самое ценное – своей собственной жизнью¹⁹. Эта исключительно тесная связь между жертвой Иисуса Христа и смертью мученика нашла свое самое полное отражение в Божественной Литургии, совершаемой в годовщину смерти мученика и его нового рождения для жизни небесной. Такая Литургия также отправляется ежегодно 6 декабря ко дню мученической смерти св. Григория. Христологический аспект подвига подчеркнул Его Блаженство Митрополит Савва, в день открытия конференции. Прекрасным богословским свидетельством понимания мученичества как подражания Христу является описание *Мученичества св. Поликарпа*, в котором мы читаем: «Мы Ему [Христу. – А.А.] преклоняемся в нашем Восхвалении, ибо Он есть Сын Божий; мучеников же мы возлюбили как учеников и подражателей Господа, и это справедливо, ибо они беспримерно отдали себя службе своему Царю и Мастеру»²⁰.

Второй категорией, которая хорошо отражает христоцентрический характер мученичества и может рассматриваться, в некотором смысле, как последствие подражания Христу, является идея глубокого духовного общения, и даже мистического отождествления мученика со своим Мастером. Христос живёт и действует вместе с мучеником и в мученике. Это отражено в применяемом часто по отношению к мученикам наименовании *Christoforoj*, т.е. носители Христа. Ибо это наименование подчеркивает укрепляющее и победное присутствие Христа в мучениках²¹. Бог живёт и проявляет Себя в мучениках, особенно тогда, когда приходит момент жертвовать своей жизнью безгранично и бесповоротно. Ибо мученичество не имеет характера одноразового и геройского порыва человека, который желает в совершенстве уподобиться страдающему Христу. Оно, скорее, является следствием верности евангельской Истине. Прекрасно определил это другой мученик Польской Православной Церкви, св. Максим Сандович: «Вся моя политика – Святое Евангелие». Политикой св. Григория также было Священное Евангелие, любовь к Богу и человеку. Стоит об этом помнить, когда поминается имя священномученика. В статье *Религия Шоты Руставели* Григорий Перадзе писал: «Дух человека, вечный дух, для которого не существует очерченных границ и для которого не существует препятствий, руководствуется теми же предпосылками и черпает из того же источника: ищет Бога, вечной Его Истины и преобразовывает эту Истину для повседневной жизни»²². По мнению священномученика, исповедание веры включает в себе готовность давать свидетельство этой вере каждодневно, даже если бы для это потребовалось пожертвовать жизнью.

Подвиг мученичества св. Григория был именно таким свидетельством, был актом исповедания веры, актом реализации любви к Богу и к ближнему, а также актом

¹⁸ Ср.: A. Kubiś, *Zarys chrześcijańskiej koncepcji męczeństwa*, „Communio”, 1987, nr 5, s. 79.

¹⁹ Ср.: E. Łomnicki, *Męczeństwo jako znak prawdziwości religii chrześcijańskiej w ujęciu apologetów starochrześcijańskich*, „Tarnowskie studia teologiczne”, 1979, nr 7, s. 75 – 76.

²⁰ *Męczeństwo świętego Polikarpa* 17, 3, В: *Ojcowie Apostolscy*, PSP 45, ATK, Warszawa 1990, s. 109.

²¹ Ср.: A. Kubiś, *Zarys chrześcijańskiej koncepcji męczeństwa*, s. 80 – 81.

²² Św. Grzegorz Peradze, *Religia Szoty Rustaweliego*, „Pro Georgia”, 2006, nr 13, s. 178.

эсхатологической надежды, что, отдавая свою жизнь, мы получим ее обратно, более полную, в Истинном Отечестве каждого христианина – Царствии Божиим. Красноречивым выражением такого убеждения могут быть многие часто цитируемые высказывания св. Григория. Ибо его свидетельство было и остается великолепным и – по мере человеческих возможностей – совершенным соединением ортодоксии и ортопраксии, веры и свидетельства²³. «В этом мире, – писал св. Григорий, – всё преходящее, всё гибнет, всё имеет свою цену всё можно купить или продать. Есть только одно сокровище, которому нет цены, несокрушимый клад, для которого сам Сын Божий, Спаситель наш Иисус Христос, не поберет своей жизни: это достоинство человека и бессмертие его души. Этой душе, что белее ангелов, мы должны служить здесь, чтобы охранять ее невинность и чистоту (...) среди всевозможных испытаний»²⁴.

Все вышеприведенные слова священномученика являют собой поразительное свидетельство его веры и благочестия, даже в момент решения пожертвовать собственной жизнью. Чтобы удостоиться чести мученичества – как об этом говорил старец Паисий со священной Горы Афон – необходимо величайшее смирение и любовь к Христу²⁵. Примером такого смирения и образцом такой любви был именно св. Григорий Перадзе.

Судьба Священноархимандрита делает наглядной столь характерную для Православия церковную и, более того, соборную суть мученичества. Ибо мученик – это личность церковная, накрепко вселенная в церковную действительность, это лицо чувствующее и сопереживающее вместе с Церковью. Его свидетельство, доведенное вплоть до отречения от жизни, является в некоторой степени свидетельством всей совокупности верующих, общности, в которой мученик возрастал. Св. Григорий улавливал глубокую связь своего народа с православной Церковью. Об этом свидетельствует его творчество, в том числе и его научные исследования. Исключительным свидетельством значимости для него собственного происхождения и истории своей Церкви является не только его кандидатская диссертация по истории грузинского монашества, но также и недавно переизданный *Дневник путешествия по Священной Земле и Сири*.

Будучи сыном Церкви и грузинского народа, св. Григорий глубоко переживал трагедические судьбы своего народа и, в частности, грузинской диаспоры. В *Пути к победе*, в связи с положением в Грузии, он пишет слова, которые можно отнести вообще к положению Церкви и верующих в мире. «День Воскресения, – пишет он, – является днем победы жизни над смертью, добра над злом. Христос в этот день разрушил ад и усмирил сатану. Христос победил. Наша Церковь празднует эту победу. Однако очень далёк тот момент, когда Она будет праздновать победу добра над злом на этой нашей грешной земле. То, что мы видим, что переживаем здесь, на этой земле, разве не убеждает нас, что мы удаляемся от этого момента, вместо того, чтобы к нему приблизиться? Везде ненависть среди людей и народов, гражданские войны, в которых брат убивает брата, классовые расслоения в обществе, прекрасные лозунги, за которыми скрывается грязь и лицемерие. Вот знамения настоящего времени. Вместо того, чтобы стремиться к совершенству и свету, не опускаемся ли мы к тому состоянию, о котором Христос сказал: «Когда придёт Сын Человеческий, придя, найдёт ли веру на земле?» (Лука 18, 8)²⁶.

²³ См.: о. А. Aleksiejuk, *Dogmaty jako wyznaczniki moralnego życia chrześcijańskiego*, „Cerkiewny Wiestnik”, 2008, nr 1, s. 6.

²⁴ *Żywot...*, „Pro Georgia”, 2006, nr 14, s. 12–13.

²⁵ Ср.: Старец Паисий Святогорец. *Духовное пробуждение*. В кн.: *Слова старца Паисия Святогорца*, т. II, Москва, 2004, с. 246–250.

²⁶ Św. Grzegorz Peradze, *Droga do zwycięstwa*, „Pro Georgia”, 2006, nr 13, s. 196.

Итак, св. Григорий, в эти невообразимые и мрачные времена, обременившие человечество, был призван к сораспятию не только с собственным народом, но также со всей Церковью Христовой. Следовательно, он был подарен всей Церкви и вместе с целым собором мучеников Церкви показывает величие Духа Божия, который посвящает человека на подвиг и делает его способным давать свидетельство Христовой Истине. Православная Церковь, в особенности Церковь в Грузии и Польше, получила в священномученике Григории, который принял смерть ради любви к Христу и ближнему, мощного заступника перед Богом. Свидетельство его жизни и смерти становится, таким образом, словно бы катехизисом и большим вызовом для живущих. Оно показывает совершенно новую иерархию ценностей, релятивизирует в некоторой степени то, что люди обыкновенно считают высочайшим благом. В свою очередь Церковь, чтя св. Григория, воздаст хвалу Богу, сотворившему столь великие дела через Своих святых. Как прекрасны и красноречивы в этом плане слова епископа Каллиста (Уэра): «Мученик – свидетель; свидетель не только Распятия, но и Воскресения. Мученичеству сопутствуют самые тяжелые муки из всех вообразимых, как физических, так и духовных, и всё-таки страдания мучеников несут в себе грусть, которая воодушевляет к радости, равно их самих, как и других (...) Не случайно многие песни и гимны, прославляющие мучеников Церкви, начинаются словом „Радуйся!“»²⁷.

*«Радуйся же, – провозглашает стихира из вечерни поминовения священноархимандрита Григория, – грузинская земля, радуйся, польская Церковь, радуйтесь, богословы, радуйтесь мученики, яко днесь Христос Бог прославляет своего мученика!»*²⁸.

²⁷ Bp. Kallistos Ware, *Królestwo wnętrza...*, s. 178.

²⁸ *Male niezpory, stichera na stichownie, ton 4* [Малая вечерня, стихиры на стиховне, глас 4], „Pro Georgia”, 2006, nr 14, s. 21.